

ВАДИМ СКУМБРИЕВ
ЭВРИСТИКА
ДОСТУПНОСТИ

Департамент Контроля Реальности

Вадим Скумбриев

Эвристика доступности

«1С-Публишинг»

2022

Скумбриев В.

Эвристика доступности / В. Скумбриев — «1С-Паблишинг»,
2022 — (Департамент Контроля Реальности)

Департамент Контроля Реальности тщательно следит за безопасностью пространственно-временного континуума на Земле, но он не может предотвратить всё. Разрывы случаются, попаданцы регулярно сыплются в чужие миры, и некоторых даже спасают. Как раз на этот случай специалисты Департамента разработали подробное руководство по выживанию в таких мирах – оно выложено на сайте организации и доступно любому желающему. Но что делать, если в чужой реальности не оказалось интернета?

Содержание

I	5
II	6
III	8
IV	10
V	11
VI	12
VII	15
VIII	18
IX	20
X	22
XI	24
XII	26
XIII	28
XIV	30
XV	33
XVI	35
XVII	38
XVIII	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вадим Скумбриев

Эвристика доступности

I

Даже самый непредвзятый наблюдатель назвал бы меня в эти дни круглым неудачником.

За три недели до момента Икс меня бросила девушка. Было очень неприятно узнать, что к тому времени она уже несколько недель изменяла мне с Ромкой-бугаём и теперь уходит к нему, потому что я – скучный нелюдимый зубрила. Ну что ж, бывает. Скучный – может быть, нелюдимый – наверняка, а зубрилой я себя совсем не считаю, но ей виднее.

Через два дня я полностью провалил соревнования по самбо. Переволновался, да ещё уход дорогой-любимой Настеньки наложился, и в результате я взял всего один бой, да и тот с трудом. Тренер, конечно, подбадривал, но настроение было препаршивое. Тогда я ещё не знал, что это – только начало.

До момента Икс оставалось две недели, когда у меня украли телефон. Дешёвая звонилка – смартфон я так и не купил, хотя присматривал уже в магазинах, – но и её было жалко: эта древняя «нокия» оставалась моей верной спутницей с самого поступления. И даже как вытащили, не заметил. Надо быть внимательнее – сам виноват. Зато смартфон всё-таки купил.

Потом была несвежая пицца. Потом – травма на тренировке: после неудачного броска слегка потянул связку. Ничего серьёзного, но тренер сказал:

– Ты, Тёма, перетрудился, по-моему. Отдохни лучше, а через недельку приходи. Заниматься-то ты можешь, растяжения там почти и нет, но не стоит. В общем, давай, будем тебя ждать.

Тогда ни я, ни он не знали, что через неделю никуда я не вернусь.

За два дня до этого поворотного события в моей жизни украли ещё и кошелёк. Деньги – тлен, а вот кошелёк – нет: он, как и «нокия», тоже верный спутник с поступления. Красивый, чёрный... Был.

Ну, а потом случился час Икс.

Я шёл на тренировку после недели отдыха, и тут мне впервые за весь этот чёртов месяц повезло: по дороге в спортивный манеж попался лоток, где какой-то доморощенный кузнец продавал ножи. Ну, я и остановился посмотреть. А потом ещё и купил один, за который, вообще говоря, вполне можно было и срок получить. Такой вот рояль в кустах: у меня был при себе швейцарский перочинный нож, но это не оружие. А вот добротный тесак с клинком в двадцать сантиметров длиной – это уже что-то.

А когда я уже сворачивал к манежу, всё и произошло. Просто нога вдруг не ощутила опоры на ровном полу, я качнулся, взмахнув руками и тщетно пытаюсь удержать равновесие, а потом рухнул рожей вниз с высоты в пару метров. Прямо в мягкую болотистую землю.

Несколько секунд прошли в полной неподвижности. Выражаясь учёным языком, я испытал когнитивный диссонанс и впал в шоковое состояние, а выражаясь простым – охренел от неожиданности. Потом встал, отряхнулся, осмотрелся. Вокруг с одной стороны расстиралось болото, с другой начинался лес. Харьков с его институтом уплыл, как «Титаник».

– Во, блин, – только и сказал я.

II

Если верить статистике Департамента Контроля Реальности, то из попаданцев в другие миры только пятнадцать процентов остаются в живых и обнаруживаются спасательными командами. Остальные либо умирают, либо пропадают без вести, читай – тоже умирают, только их трупы не находят.

Что такое Департамент? Ну, это такая международная организация, типа Интерпола, только Интерпол ловит преступников, а Департамент занимается пространственно-временными разломами, связями с параллельными мирами и любой аномальщиной на Земле. Если вы видите призрака – звонить нужно... нет, не им – в полицию, а уж полицейские всё осмотрят и передадут вызов Департаменту. Если, конечно, у вас там действительно призрак, а не сосед в простыне или белая горячка.

Ну, и попаданцами тоже они занимаются. Отслеживают и закрывают разломы, ищут пропавших, если это возможно, возвращают обратно угодивших к нам иномирян, контактируют с властями в других мирах и так далее. Такая вот работа. Так что о параллельных мирах на Земле не знают разве что африканские пигмеи, да и то сомнительно. И настоящего шока со мной не случилось: предупреждён – значит, вооружён. Хотя, конечно, спокойствия это не прибавило.

Ладно, самое время сесть и обдумать ситуацию. Сесть было толком некуда, так что пришлось отойти к лесу, где обнаружился прекрасный гладкий валун, будто нарочно созданный для моей задницы, которую тут же и ощутил. Повеяло холодным ветром, но вообще, по ощущениям, тут градусов пятнадцать, не меньше, да и солнышко греет. Подумав, я скинул осеннюю куртку и аккуратно положил её рядом. Пригодится ещё.

Итак, что мы имеем? Я угодил в разлом пространственно-временного континуума. Квантовую теорию поля у нас не преподавали, так что механизм этого действия я не знал, да и не нуждался в таковом. Вокруг – однозначно другой мир, разломы невозможно использовать как порталы в одном и том же пространстве-времени. Теоретически за мной может прийти помощь, но раскатывать губу не стоит: кому я, на хрен, нужен? Пропал и пропал. Это ещё догадаться надо, что я в разлом угодил, и тогда Департамент отправит спасателей. А если аномалия схлопнется, то дело не уйдёт дальше нашего отделения полиции.

Каковы мои возможности? Вот краткое досье:

Артём Левченко. Свежеиспечённый аспирант Национального аэрокосмического... бла-бла, короче – Харьковского авиационного института. Специальность – проектирование ракетной техники. Очень нужные познания в моём положении, не находите? Полезные навыки: общая википедийная эрудированность, занятия самбо и вообще боевыми искусствами вроде школьного увлечения у-шу, инженерное мышление, глубокие познания в области технических наук – чай, в универе всё-таки учился, а не просто баклуши бил. Рост средний, телосложение среднее – не бодибилдер, но и не задохлик: борьба есть борьба. Волосы чёрные, глаза карие, кожа светлая. Характер флегматичный. Не женат.

Последнее, пожалуй, было самым приятным. Меньше людей с той стороны, кому я небезразличен.

Какие у меня перспективы? Местность вокруг мало походила на посаженные культивируемые леса, где сосны растут ровными рядами, и заблудиться практически невозможно; больше сходства с архангельскими чащами. Болото – мягкое покрытие из мха и трав, под ним вода. Кажется, я видел даже кусты каких-то ягод, но с этим надо пока погодить. Лес, начинавшийся за спиной, – лиственный, с густым подлеском. Можно было бы напустить на себя умный вид и определить виды деревьев, но ольху от орешника я только по орехам смогу отличить, так что это безнадежная затея.

Собственно, если климат тут тоже архангельский, то мне конец – можно хоть сейчас достать свежкупленный нож и вскрыть себе яремную вену. Я попросту не успею набрать запасов на зиму, особенно учитывая собственное невежество в отношении навыков выживания и создания этих самых запасов. Всё, чем я мог похвастаться – это прочитанным томиком о Робинзоне Крузо, обрывками программы по «Дискавери» с Беаром Гриллзом, который пытался выжить любой ценой, всё той же Википедией, которую читал в поездах, и, пожалуй, больше ничем.

Поразмыслив, я решил отложить долгосрочные перспективы, а особенно мысли о «зима близко», до лучших времён. Сейчас надо было решить первоочерёдные проблемы: ориентация на местности, вода, еда и жильё.

Для начала я выбрал дерево покрасивее и, оставив рюкзак с борцовской формой внизу, полез вверх. Последний раз я занимался подобным ещё в детском возрасте, но оно как ездить на велосипеде: раз научился, то никогда уже не забудешь. Так что на вершине я оказался довольно быстро, после чего выругался и полез вниз – дерево оказалось недостаточно высоким.

Пришлось искать другое. Будучи наверху, я заметил одно, но на земле найти его оказалось куда сложнее – здесь всё выглядело совсем по-другому. Только после упорных поисков, наконец, нашлось вроде бы то самое, и я повторил манёвр – на этот раз удачно, несмотря даже на недовольно ноющую связку в травмированной ноге. Лесной исполин лишь самую малость не дотягивал до нормальной девятиэтажки, обзор открылся прекрасный, но огорчающий, потому что вокруг до самого горизонта не наблюдалось никаких признаков цивилизации.

Сплошной, мать его, лес на севере, за ним – горы, на юге – болота, перемежающиеся какими-то рощицами. Горы на западе и широченная полоса моря на востоке. Единственное, что меня порадовало, это сверкающая на солнце тонкая нить реки на юго-западе. По крайней мере, от жажды я не умру. От паразитов, которые могут водиться в местной воде, от болезней в ней же – это да, но не от жажды.

Спустившись, я провёл ревизию инвентаря – скорее, для успокоения самого себя, чем по необходимости, потому что всё своё скудное имущество знал и так. Нож, ещё один нож, швейцарский (с пинцетом, пилой, шилом и прочей ерундой вроде консервного ножа), рюкзак, смартфон, горстка монет и бумажных гривен, борцовская курточка-самбовка (наряд вроде кимоно, только короткий), запасная футболка и носки, туристические часы, ботинки-борцовки и, кажется, всё. Ещё эластичный бинт на ноге. Берцы, удобные просторные штаны, демисезонная куртка, футболка – это то, что на мне. Дела плохи, если подумать. У Робинзона Крузо целый корабль барахла был, к тому же он попал на тропический остров, а не в умеренный пояс, как я, и то ему пришлось несладко. Но это потом. Отчаяться я всегда успею.

Закинув рюкзак за спину и сунув чехол с ножом в карман, я зашагал в направлении реки.

III

Времени это заняло немало – по лесам я бродил редко и теперь учился заново, к тому же это оказалось не так-то просто. Регулярно приходилось продираться сквозь подлесок, иногда – обходить болотистые низины, а в остальное время отгонять навязчивые мысли, среди которых лидировал список способов умереть в другом мире. Когда количество их перевалило за десяток, я приуныл. Ведь даже напрягаться не пришлось, чтобы всё это придумать: голод, холод, болезни, паразиты, ядовитые плоды и ягоды, дикие звери, враждебное местное население, загноившаяся рана, ну и так далее. А у меня даже перекиси водорода не было, чтобы в случае чего провести дезинфекцию. Ран, правда, тоже пока что не было, но это сейчас. Будут ещё.

Печальные размышления о грядущей безвременной кончине прервал выход на опушку – я всё-таки добрался до края леса. К этому времени солнце уже опасно клонилось к закату, а попал я сюда примерно в полдень. Значит, шёл несколько часов, а это километров десять-двенадцать. Не так уж много, если подумать.

До воды осталось рукой подать, и это оказалась петлявшая среди каменистых холмов горная речушка, быстрая и относительно узкая. Я наклонился, зачерпнул восхитительно холодную воду, придирчиво осмотрел прозрачную лужицу на ладони – вроде бы чистая. Хотя трудно было ожидать иного – это ж не пруд. Зачерпнул ещё, уже полной горстью, отпил. Вкусная. Жаль только, у меня нет ни фляги, ни даже пластиковой бутылки. А ведь хотел купить минералки по дороге, хотел. Но не купил.

В общем, вода есть – мысленно я вычеркнул первый пункт из длинного-длинного списка. А вот с едой напряг. Искать её среди голых холмов бессмысленно, так что, подумав, я пошёл обратно к лесу. Если уж где и ставить будущий дом, то только там.

По пути список ближайших целей несколько расширился из-за попавшихся на глаза интересных камней: мне ведь обязательно потребуется инструмент – ножом дерево не повалить. Поначалу не было ничего необычного – я нашёл множество совершенно типичных булыжников, для определения породы которых моих геологических познаний явно не хватало, но потом наткнулся на место, которое назвал бы кремнёвой россыпью. Во всяком случае, на этом холме тут и там валялись желтовато-чёрные желваки, которые больше всего походили именно на кремнь. Правда, чёрных камней в музеях я никогда не видел, но по фактуре они ничем не отличались от жёлтых, и при сильном ударе из них высекались слабые искры.

Не поленился, отыскал десяток самых красивых и положил в рюкзак. Потом туда же добавил речных окатышей. Праща – самое первое метательное оружие, которое будет мне доступно. Если я найду, из чего сделать верёвку, конечно. Ремень в штанах, пожалуй, жестковат для этих целей. Но в крайнем случае я готов кидать камни и руками – для мелкой живности хватит.

А живности тут хватало. Ещё в лесу я спугнул пару зайцев, видел белок, полёвок и один раз зверя, похожего на лису, только размером с волкодава – от этой твари пришлось торопливо уходить, пока она с упоением жрала кого-то. На деревьях пели птицы, умолкая, когда я подходил близко. Общество человека им явно не нравилось, из чего я сделал очень осторожный вывод, что люди тут всё же есть. Или гуманоиды – чёрт его знает, кто тут жить может.

Список дел на ближайшее будущее включал следующие: сделать каменный топор, сделать пращу, построить хату, сделать копьё и наловить рыбы. Потом туда добавился ещё пункт «сделать силки». Как они должны выглядеть, я никакого представления не имел, так что оставалось надеяться лишь на смекалку. И на самый большой желвак, который я намеревался расколоть и сделать клинок топора (или как там его основная часть называется).

Возвращение к истокам. Наверняка кому-нибудь это пришлось бы по вкусу.

Всю дорогу до леса я думал о том, как бы ускорить процесс создания дома и из чего бы его вообще строить, когда из инструментов есть только нож, шило и маленькая пила. Материалов тоже не хватало: были, конечно, деревья, но для них использования требовались инструменты, да хотя бы и тот же топор. Несколько раз я спускался к реке в поисках глины, но тщетно.

– Ну да, – сказал я себе, вылезая обратно на холм уже возле самой опушки, – а ты думал, всё на халяву будет?

Тут, наконец, удача улыбнулась мне, причём дважды. Во-первых, я нашёл отличное место для базы. Во-вторых, я нашёл бамбук.

IV

Почёсывая затылок, я стоял и задумчиво разглядывал куст. Больше всего он действительно походил на земной бамбук, но это если не присматриваться. Во всяком случае, листья у него были совсем другие – крупные и широкие. Но сами стебли не отличались почти ничем.

О бамбуке я знал немного, но одно помнил очень хорошо: это всё-таки тропическое растение, а здесь природа явно напоминала умеренный пояс. Но какая, в общем-то, разница, если он тут растёт?

Плюнув на ботанику, я попробовал самые сухие и жёлтые стебли на изгиб и остался доволен: те не уступали по жёсткости и прочности своему земному аналогу, насколько я представлял его свойства. Тут пригодилось изделие швейцарских мастеров, а именно пила – правда, древесина лжебамбука оказалась твёрдой, и срезать я успел лишь три стебля. Дальше работать становилось опасно – сгущались сумерки.

Пришлось торопливо шагать обратно, уложив все три палки на плечо. Собственно, открытие столь полезного растения резко изменило мои планы – если раньше я предполагал сделать что-то вроде бревенчатой избушки, то теперь проект «База Попаданца» включал в себя домик из жердей, а потом... ну, да это успеется. Тут бы первую ночь пережить.

Во всяком случае, ночевать на земле я точно не собирался. Совершенно очевидно, что в этих местах водятся опасные животные – как минимум, одного потенциального кандидата я уже видел, а кто знает, кого можно встретить ещё? Рисковать не хотелось.

Упомянутое выше место для базы располагалось у самой опушки, в сосновом бору, потеснившем лиственные деревья. Река здесь делала излучину, огибая небольшой холмик, так что подойти к нему можно было только с одной стороны. При условии, конечно, что потенциальный враг не захочет пересекать речку, быстрое течение которой изрядно мешало такому приключению, а потом ещё лезть на обрывистый берег, который кое-где достигал моего роста и даже выше. Так или иначе, это было лучше, чем просто где-нибудь в лесу – в моём распоряжении оказался холм примерно пятнадцать на пятнадцать метров, заросший кустарником и густой зелёной травой, а также источник свежей воды под боком. Ближе к центру холма располагалась сосновая роща, и если раньше я предполагал вырубить её, то теперь уже прикидывал, как бы поудобней расположить жердяные стены. Полное отсутствие соединительных материалов меня не смущало.

Ничего оставлять внизу я не собирался, за исключением уже набранных в этом мире расходников, особенно палок: надо быть Спайдерменом, чтобы влезть наверх с этим грузом – его ведь чем-то держать надо. Тут и рюкзака вполне хватило, даже без камней – влез на дерево я с трудом.

Желудок требовательно заурчал, напомнив, что последний раз я ел ещё утром. Задобрить его было нечем.

– А теперь – спать, – сказал я, устраиваясь поудобнее в развилке ветвей.

V

Несложно догадаться, что нормально поспать мне не удалось. Собственно, это была худшая ночь в моей жизни.

На самом деле даже обычная ночёвка на природе в обустроенной палатке может оказаться очень неудобной для городского жителя, вздумавшего решиться на подобный опыт. Можно легко не учесть множество факторов, которые сделают сон такого экспериментатора невыносимым. А теперь отнимите у этого парня палатку, заберите всех товарищей, поднимите его на дерево и вколите побольше адреналина – и вы получите меня в первую ночь после часа Икс.

Ночью лес не засыпал. Ухали совы, трещали ветки под ногами выбравшихся на охоту хищников. Ну, или это был просто ветер, а хищников нарисовал себе я сам. Что-то плескалось в воде, кто-то ходил рядом, а когда внизу раздалось тихое шипение, я чуть не наложил в штаны. В воображении тут же появился гигантский удав, почуявший сладкое мясо на дереве и теперь раздумывающий, как бы поудобней его оттуда снять... но шипение утихло, оставив меня судорожно держаться за ветки и пытаться унять колотящееся сердце. Кто-то заворочался внизу, в темноте, осторожно попробовал дерево когтями, но заметить удалось лишь бесформенный силуэт. Потом животное ушло, и до самого утра никто больше не шипел.

И всё это под красноватым светом трёх лун, выползших на небо после заката. Картина, надо признать, жутковатая.

Я проваливался в дрему, вздрагивал при каждом шорохе, клевал носом и вскакивал, потеряв равновесие. Дважды чуть не отправился на свидание с матушкой-землёй, лишь в последний момент хватаясь за первое, что попало под руку. К утру я уже окончательно понял, что если не построю хотя бы основу дома в ближайшие дни, то попросту сдохну от недосыпа.

Под утро я ещё и замёрз – помогла только самбовка, натянутая под куртку.

Хреновый из меня экстремальный турист.

VI

Дождавшись рассвета, первым делом я осмотрел землю под деревьями в поисках следов Шипящего. Естественно, ничего не нашёл. Будь тут мягкая земля, может, что-то и отпечаталось бы, а искать следы в траве – занятие для индейца. Я, увы, не индеец, так что осталось только любоваться подранной чудищем корой.

Конечно, рано или поздно Шипящий наверняка вернётся, но вряд ли это будет прямо сейчас. Так что я дождался восхода, выставил часы ровно на 5:00, сделал отметку на палке-календаре и занялся тем, чего хотелось больше всего – поиском еды.

Всё скудное имущество в виде трёх палок и кучки камней осталось нетронутым, и через несколько минут в моих руках был готовый гарпун – по сути, я просто заточил о края кремнёвого желвака срезанный конец бамбукового стебля, после чего пилкой вырезал паз сразу за остриём, чтобы добыча не сорвалась. Большого пока что не требовалось – можно было приступить к рыбалке.

Это оказалось далеко не так просто, как я ожидал. Во-первых, водилась тут в основном мелкота, а крупных рыб приходилось высматривать, бродя вдоль берега и нагибаясь над водой. Во-вторых, мои навыки выживальщика оставляли желать много лучшего. Рыбы ускользали от гарпуна, моментально уплывали, стоило только неудачно закрыть собой солнце; наконец, просто плавали где-то посреди реки, куда так просто не дотянешься – всего и не перечислишь. Через час я даже сбросил берцы, штаны и вошёл в воду, наплевав на возможные последствия в виде простуды и ревматизма. Желудок был важнее.

Наградой стали целых две рыбины длиной сантиметров по двадцать каждая.

В других обстоятельствах я сожрал бы их сырыми, но сейчас голос разума всё-таки заглушил позывы живота: насколько я помнил, речная рыба обычно славится обилием паразитов; даже прославленное в наших ресторанах суши делали только из океанской. Есть рыбу в сыром виде означало почти наверняка заселить в себя новых жильцов, а глистогонные в этой глуши найти по очевидным причинам не выйдет. Это, конечно, не смертельно, хотя... нет, лучше не рисковать.

Здесь поджидала вторая преграда: я не курил. И если на Земле это было положительным качеством, то здесь проявились его отрицательные черты: у меня не было ни спичек, ни зажигалки. Были, правда, кремни, да и трением первобытные народы вроде бы тоже умели добывать огонь, но для обоих методов требовалась сноровка. В чём я и убедился, попытавшись развести огонь с помощью кремнёвых желваков.

Это было адски скучно и не менее раздражительно. Далеко не каждый удар вообще высек искры, не говоря уже о том, чтобы от этих искр занялась набранная вокруг сухая трава и опилки, добытые из трухлявого пня. Я бил, бил и бил, сломал два камня, в ярости выбросил один в воду и едва не утопил остальные –, просто за компанию. Потом, отчаявшись, взялся за метод трения: нашёл палочку посуше, проковырял в ней лунку, растёр в пыль несколько сухих листьев и принялся за дело – ненамного успешнее, чем с камнями. В общем, только через два с лишним часа чудовищных усилий наконец появился первый язычок пламени, и теперь я как никто другой понимал первобытных людей, которые убивали дебила, не уследившего за костром.

Стоило бы, кстати, подумать и об этом – в смысле, не дебила убивать (благо, что кандидатом был только я сам), а о том, как сохранить огонь. В голову пока ничего не приходило, так что пришлось просто подкинуть веток – на этом, однако, мучения не закончились: едва живой огонёк мог в любую секунду погаснуть, и ещё минут двадцать я занимался тем, что раздувал его. Лишь когда весело затрещало пламя и занялись крупные ветки, я позволил себе расслабиться.

Но каждый раз так разжигать огонь – ну его куда подальше.

Пока прогорали угли, я занялся базой. Ввиду визита Шипящего в первоначальный проект пришлось внести серьёзные изменения: теперь нечего было и думать о том, чтобы строить хижину на земле. Единственным способом остаться в живых было жить наверху.

Как это часто бывает, при внимательном рассмотрении задача оказалась куда сложнее, чем казалась на первый взгляд. Из пятнадцати деревьев только на одно можно было легко влезть с земли – то самое, на котором я спал; остальные представляли собой настоящие корабельные сосны, то есть голое бревно с крохотными веточками где-то далеко в вышине. Зато четыре из них росли почти правильным четырёхугольником. В идеале следовало как-то закрепить наверху основу из бамбуковых балок, очертив контур будущего дома, после чего выложить пол и получить, таким образом, плацдарм для дальнейших работ. Оставалось только придумать сущую мелочь: как закрепить балки, как соединить их, как залезать наверх...

Положим, один соединительный материал я всё-таки нашёл: пусть сосны тоже оказались не соснами, а чем-то очень похожим, но смолу давали исправно и гораздо больше, чем земные. Конечно, всё равно придётся изрядно повозиться, чтобы добыть достаточное её количество, да и балки крепить ею не стоит, но без смолы в любом случае не обойтись. Главное, чего мне не хватало – это верёвок. Их не было вообще, если не считать шнурков от ботинок, зато они требовались и для оружия, и для дома, и буквально для всего. А главное, взять тоже было неоткуда. Вроде бы индейцы добывали волокна из кактусов – тех самых, из которых гнали текилу, но вряд ли кактусы обнаружатся в этом лесу. С другой стороны, можно поискать что-нибудь подходящее на других деревьях и добыть волокна из них, а там уже попытаться скрутить и верёвки.

Этим я и решил заняться в первую очередь. Но сначала – еда, тем более что угли уже дошли до нужной кондиции. Разумеется, за это время я позаботился о том, чтобы сохранить с таким трудом добытый огонь: рядом с первым костром уже спокойно горел второй, да не просто так, а в специально выкопанной ямке, чтобы ветер не загасил его ненароком. Мне придётся уходить, и надолго, и меньше всего я хотел снова возиться с кремнями и костровыми палочками.

За несколько минут обе рыбёшки были выпотрошены, насажены на веточки и размещены над углями, после чего я принялся вдыхать божественный запах денатурируемого белка. А когда, наконец, они приготовились... честное слово, никогда в жизни я не ел рыбы вкуснее. У меня не было ни приправ, ни хлеба, ни даже обычной соли, а мясо оказалось костлявым и отдавало тиной, но это уже не смущало – я добрался до еды. И только когда от рыб остались обглоданные дочиста хребты, подумал, что они ведь могли быть и ядовитыми.

И тут же успокоил себя: нет, вряд ли. Это ближе к тропикам водятся всякие фуру и им подобная дрянь, а в умеренных широтах такого не встретишь. Хотя бамбук ведь растёт...

Но осторожничать было уже поздно, так что я постарался забыть о вероятном отравлении и, убедившись, что костру в ямке хватает дров, пошёл на промысел. Заключался он в том, что я детально изучал все сорванные листья, стебли и прочий растительный материал, неизменно выкидывая образцы как непригодные для добычи волокон. Когда это занятие окончательно надоело, я решил попробовать кору, и первый же эксперимент оказался удачным: срезав полоску с ближайшего молодого деревца, я без особых усилий содрал с неё целый пук прекрасных зеленоватых нитей. Оставалось только посыпать голову пеплом и сознаться в собственной глупости, причиной которой оказалась Википедия. Не прочитай я когда-то статью про кактусы, наверняка подумал бы о коре гораздо раньше.

Несчастное деревце немедленно подверглось полному раздеванию, после чего я проделал то же самое с его соседями, которых тут набралась целая роща. И, связав огромную охапку коры лентой из неё же, направился обратно.

На этом, однако, проблемы не кончились. Фраза «это оказалось сложнее, чем я думал» прилипла ко мне настолько прочно, что применить её можно, наверное, к любому моему занятию после момента Икс. Ходить по лесу оказалось сложнее, чем выглядело поначалу. Ловить рыбу – сложнее. Построить дом – сложнее. Разжечь огонь – сложнее. Даже чёртов бамбук спилить тоже оказалось сложнее, чем предполагалось.

Но деваться было некуда – нейлоновой и тем более арамидной нити тут не найти.

Подкинув дров в костёр, поначалу я начал просто скручивать нить вчетверо, по спирали. Но, понятное дело, очень быстро она раскрутилась обратно. Это заставило крепко задуматься, разработать целую технологию и опробовать несколько разных вариантов, после чего я принялся скручивать нити попарно по часовой стрелке, а уже сами пары между собой – против. Вторая попытка вышла куда лучше, и вскоре у меня уже имелось несколько метров хорошего шнура – не очень крепкого, но для моих нынешних нужд сотни мегапаскалей прочности не требовалось. Заключались эти нужды в обустройстве временного гнезда на моей спасительной сосне.

Нарезав ещё несколько бамбуковых стеблей, я связал их в пучок и, кряхтя сквозь зубы, затащил всё это наверх. Прежняя развилка оказалась не очень удобной, так что я забрался выше, где уложил бамбук треугольником, накрепко привязав его к ветвям и получив таким образом жёсткую основу. Затем я укрепил этот треугольник поперечными стеблями и, окинув конструкцию критическим взглядом, осторожно прилёг на неё.

Шедевр инженерной мысли недовольно закрипел. Платформа слегка накренилась, так что я на мгновение даже потерял равновесие, но затем всё как-то отрегулировалось, и через минуту уставшие за день мышцы во всём теле расслабились, даря блаженство на уровне оргазма. Нет ничего лучше, чем хорошо отдохнуть после напряжённой работы.

Лежать, правда, всё равно было неудобно – не хватало места, ноги пришлось свесить, а когда я попробовал слезть на землю, то обнаружил, что перекрыл себе удобный путь у ствола, и теперь нужно проявлять чудеса паркура, чтобы соскользнуть на нижние ветки и не поломать при этом построенное с таким трудом приспособление. Залезать обратно оказалось ещё неудобнее, но я всё же закинул наверх рюкзак и задумался, как сохранить ночью костёр. По всему выходило, что никак. Одного визита Шипящего мне хватило за глаза – спускаться ночью на землю, чтобы поддерживать огонь, не хотелось совершенно. К тому же даже в ямке огонёк мог привлечь хищников, и кто докажет, что среди них не найдётся своего Спайдермена? А тогда мне, пожалуй, конец.

К слову о спайдерменах: подумав, я поднял наверх ещё и гарпун – какое-никакое, а оружие. Мелькнула мысль установить на него нож, но, обдумав, от этой идеи я отказался. Надёжно закрепить его всё равно не выйдет, а если тварь убежит с ножом в боку, я лишусь ценнейшего инструмента. Так что ограничился тем, что просто заново отточил остриё.

Второй день после часа Икс подошёл к концу.

VII

Выспаться по-настоящему не удалось и на этот раз, хотя дремать в гнезде оказалось куда приятнее, чем на голых ветках.

Ночью опять приходил Шипящий. На этот раз он сидел внизу довольно долго, периодически пробуя взобраться по стволу и недовольно фыркая, когда это не удавалось. Я же тем временем затаился наверху с гарпуном и ждал. Тьма была – хоть глаз выколи, разглядеть Шипящего мне так и не удалось, зато когда он ушёл, я заснул, как младенец. Не помешали даже отчаянные вопли желудка, которому не хватило двух рыбёшек, и который требовал ещё.

Визиты эти начинали меня тревожить: тварь явно поняла, что добыча остаётся на одном месте, и рано или поздно попытается пойти на штурм по-настоящему. Скорее всего, конечно, лапы у него короткие, но недооценивать опасность – верный способ уйти в Страну вечной охоты. Наконец, этот урод банально мешал мне спать.

И когти у него, как показал утренний осмотр, были совсем немаленькими – борозды на коре ночной гость оставил такие, будто их стамеской вырезали. Если он так каждую ночь приходит будет, рано или поздно дерево упадёт. К тому времени, конечно, я наверняка переберусь в основной дом, но всё равно сбрасывать со счетов врага не хотелось. Вода камень точит.

Нужно было заняться «Базой Попаданца», и побыстрее.

Солнце взошло в 5:21, то есть местные сутки были длиннее наших на двадцать с лишним минут, не считая поправки на изменение длины светового дня, если он тут вообще меняется, конечно – впрочем, это я устанавливаю во время следующего восхода. Поразмыслив, я решил каждое утро выставлять часы на 5:00 – всё равно это будет точнее, чем определять время по солнцу. По крайней мере, пока не набегит ошибка, но тогда я уже что-нибудь придумаю. А до тех пор хватит и этих часов, тем более что компаса у меня не было, и определять направление я мог только с помощью циферблата и солнца.

Жрать хотелось до умопомрачения, но я всё же отложил завтрак и занялся тем, что следовало сделать ещё вчера – разведкой. Очень недоставало элементарного карандаша и листа бумаги, чтобы начертить хоть какую-то карту, и вместо этого я сначала использовал кусок коры и уголёк. Кора оказалась ломкой, а уголёк только царапал её, и в конце концов я воспользовался смартфоном – тот был куплен совсем недавно и батарея с честью держала прописанные на коробке пять тысяч миллиампер-час, в переводе на человеческий язык – неделю-полторы непостоянного пользования.

Рисовал в мобильном Экселе, где создал отдельную табличку, выровнял ширину строк и столбцов и получил большое поле, на котором закрашивал нужные клетки и делал надписи. Довольно быстро я набросал пиксельную линию реки, которой дал гордое название Стикс, указал на карте расположение собственной базы и принялся изучать окрестные ориентиры, измеряя расстояния в шагах за неимением лучшего варианта. Со знанием направления элементарная тригонометрия позволяла легко определить координаты каждого объекта, пусть и с не очень высокой точностью из-за того, что часто приходилось петлять между деревьями. Одним из ориентиров, к моей вящей радости, оказалось раскидистое дерево с какими-то красными плодами.

– Ядовитые, наверное, – с тоской сказал я, сорвал один и опомнился, только когда умял три штуки. Кое-как сдержался, чтобы не слопать ещё парочку и набил фруктами рюкзак, пообещав себе, что если не помру, то через несколько часов обязательно поем. Желудок печально вздохнул и затих, напомнив, что примерно те же самые мысли относительно ядовитости мелькали у меня и про рыб.

Если всем прочим деревьям в этом мире я без труда мог подобрать земные аналоги, то с этим вышла заминка. По фактуре коры и общему виду оно больше всего напоминало яблоню

или грушу, а вот его плоды выглядели скорее как продолговатые помидоры – что снаружи, что внутри, и каждый был размером с большой палец хорошего боксёра-тяжеловеса. На вкус – как кислая хурма, такой вот коктейль. По приблизительным оценкам, плодов тут было несколько сотен, и многим ещё предстояло дозреть, что не могло не радовать душу.

Дерево получило имя «раскидистая клюква», после чего было тщательно нанесено на карту и обведено жирной линией шириной в две клетки, а расстояние до него составило около шести тысяч восьмисот шагов, или приблизительно пять с половиной километров. Нельзя сказать, что о еде можно больше не думать – деревья мне хватит в лучшем случае на месяц, но, по крайней мере, можно будет отвлечься от поисков пищи и заняться «Базой Попаданца». Если, конечно, плоды не окажутся ядовитыми.

Кроме того, теперь я знал, что ответить школьникам на вопрос, как им может пригодиться математика в реальной жизни. Слабое утешение, конечно, учитывая, что школьников этих я могу никогда больше не увидеть, но настроение всё же поднялось.

Нахождение источника еды – пусть и недолговечного – отправило меня обратно к базе, точнее – к бамбуковой роще, и до конца дня я занимался тем, что срезал одревесневшие стебли, таскал вязанки к базе и возвращался за новыми. В итоге этих стеблей накопилось не меньше чем несколько десятков, хотя я прекрасно понимал, что это только начало – на хижину их потребуются сотни.

Заряда в смартфоне оставалось ещё на несколько дней, но я всё же аккуратно перечертил карту на специально выровненном участке земли, на всякий случай точно указав все направления и расстояния. Потом я подумаю, как сделать хоть какое-то подобие бумаги, ну а сейчас приходится обходиться тем, что имею.

Спать снова пришлось в гнезде, ночью снова пришёл Шипящий, но на этот раз я уже совсем спокойно дождался его ухода и утром, по привычке проверив изодранную кору на стволе, приступил к работе.

Проверил я и часы – солнце взошло в 5:19. Световой день удлинялся, из чего я сделал вывод, что угодил сюда до середины лета. Когда там самый длинный день у нас – в июне или июле? Я не помнил; впрочем, какая разница? Тем не менее, я решил тщательно следить за астрономическими деталями – это поможет подготовиться к зиме. Что и сделал, вырезав зарубку на календарной палке, после чего приступил к строительству.

Теперь, когда у меня был строительный материал, его требовалось чем-то соединять. Сделанный накануне шнур почти весь ушёл на временное гнездо – я не жалел его, приматывая бамбук к ветвям. Не собирался жалеть и на основной дом – не хватало ещё, чтобы он развалился в самый неподходящий момент. Не придумай я строить убежище наверху, было бы гораздо проще, но Шипящий не оставлял выбора. Либо переселяться на новое место с риском встретить кого-нибудь ещё, либо всё-таки укреплять старое. Я выбрал второй вариант.

Не поленился я и пересчитать бамбуковые стволы – их оказалось тридцать четыре, – после чего выбрал один и устроил ему краш-тест, то есть хорошо закрепил между камнями и повис на нём всем телом, стараясь не делать резких движений. Потом выдвинул стебель дальше, увеличив рычаг, и проделал это снова. Потом ещё раз – в итоге сломать его так и не удалось, хотя при рычаге в четыре метра бамбук опасно прогнулся и даже затрещал. В любом случае его прочность была примерно как у дюралюминия, если не выше. Дальше я вспомнил сопромат и прикинул, что при максимальном пролёте в четыре с хвостиком метра достаточно будет двух бамбуковых стеблей в несущей основе, чтобы выдержать мой вес вместе с весом предполагаемого барахла, причём с огромным запасом. Это меня вполне устраивало.

Наверное, кто-нибудь другой на моём месте не заморачивался бы и просто выложил несущие балки и пол потолще, например, связав три-четыре стебля, но в моём положении не стоило разбрасываться ни временем, ни силами. Если я могу точно рассчитать, сколько слоёв бамбука

нужно положить для достаточной прочности, почему бы так не поступить? Я уверен, что конструкция наверняка выдержит, а большего и не нужно.

Так что я оставил бамбук лежать под соснами и пошёл собирать кору.

VIII

Следующие четыре дня прошли целиком в работе. Ночами исправно приходил Шипящий, устраивая теперь целые концерты под моими окнами – простите, под моим домом, – и я поклялся самыми гнусными орочьими богами однажды вспомнить старое доброе у-шу и воткнуть бамбуковое копьё этой сволочи в задницу. Правда, на у-шу меня учили обращаться с шестами, но копьё от шеста не сильно отличается. Шипящему хватит.

Каждое утро я уже по привычке замерял время – длительность дня по-прежнему увеличивалась, – завтракал чем придётся и либо шёл собирать кору с бамбуком, либо садился плести шнуры. За это время я изрядно поднаторел в изготовлении верёвок: в гнезде лежали уже два веретена, обмотанные самодельной бечёвкой как египетские мумии, но и этого могло не хватить. Кроме того, я обошёл ближайшие сосновые рощи и собрал немного смолы.

Проснувшись, я неизменно вырезал отметку на палке-календаре и тщательно ополаскивался в речке, один раз постирал одежду и носки, размышляя при этом, почему в фантастических книжках герои никогда этим не заморачиваются, даже если целую неделю идут по лесу. Скорее всего, это слишком обыденные и элементарные вещи, чтобы упоминать о них в художественном произведении. Но необходимость в них никуда от этого девалась.

Раскидистая клюква немного полысела, а её красные плоды быстро портились – уже через сутки мне пришлось выкинуть всё, что осталось в рюкзаке. Так что теперь я набирал ровно столько, сколько собирался съесть за день, то есть четыре-пять плодов. Ходить приходилось далековато, но, это всяко лучше, чем ничего. Без еды мне нельзя – и так от недоедания и физического труда моментально засыпал даже на дереве, а последнюю ночь вообще спал как убитый. И уставал быстро, так что жрал всё, до чего дотягивались руки.

Чем дальше заходил процесс строительства, тем больше я ощущал нужду в инструментах и недостаток рабочих рук. Со вторым поделать ничего было нельзя, а вот первое поддавалось решению – начал я с того, что попытался изготовить каменный топор. Швейцарская пила мало-помалу начинала тупиться, а как заточить двойной ряд зубьев, я пока не представлял. Требовалась замена, так что на пятый лень я занялся именно ею.

Кремень виделся мне идеальным материалом для топора, но и с ним, разумеется, не обошлось без проблем. Попытки расколоть желваки привели к появлению нескольких ножеобразных скоб, совершенно непригодных для топора, так что пришлось сходить на дальний холм за второй партией камней, которая почти вся тоже превратилась в осколки. Наконец, постепенно я научился сколупывать маленькие, почти прозрачные чешуйки, не раскалывая основной камень, в результате чего и получил отличное – для первого раза, понятное дело – кремнёвое рубило. Теперь оставалось только закрепить его в топорнице.

«Только», ага. Для этого требовалось проделать отверстие в куске крепкого дерева, а у меня не было даже элементарной стамески. Вместо неё пришлось использовать кремень наиболее подходящей формы, который, к моему удивлению, резал очень даже неплохо. Затем, наметив контур будущего отверстия, я насыпал в получившуюся лунку углей и раздул их. Насколько я помнил роман Дефо, там именно таким методом пользовались дикари, хотя Робинзон и предпочитал ему механическую обработку.

Впрочем, у него были нормальные стамески.

Классик не подвёл – угли сделали своё дело. К вечеру я уже покончил с топорницей и забил в отверстие кремнёвое рубило, придирчиво следя, чтобы оно прилегало максимально плотно к краям, после чего попытался срубить ближайшее к роще дерево толщиной примерно с мою руку. Ушло на это около двух минут, и когда ствол держался уже на честном слове, удача меня покинула. Топор, на который я потратил целый день; инструмент, который завтра пред-

полагалось уже использовать в настоящей работе; шедевр ремесленной мысли первобытных технологий – короче, топор жалобно хрустнул и сломался.

IX

Несколько минут я оглашал лес ругательствами, припоминая все нецензурные слова, которые когда-либо слышал, и попутно придумав парочку новых. Дорезал несчастное деревце и даже попробовал сломать его об колено, но только заработал синяк, что взбесило ещё больше. Весь день пошёл коту под хвост, а в нынешнем моём положении дорог каждый час. Инструменту – конец, и что я буду делать, если топоры так и будут ломаться? Грызть деревья зубами?

Однако потихоньку я всё же успокоился и провёл криминальную экспертизу над трупом безвременно почившего инструмента. Выяснилось, что каменное рубило осталось целым, а треснуло топорщице, причём оно попросту раскололось вдоль волокон. Причину я уяснил сразу же, как только попытался стукнуть по дереву ещё раз – рубило, входя глубже в отверстие, начинало давить на боковые стенки и расслаивало их.

До заката оставался ещё час с лишним, так что я торопливо принялся выстругивать новое топорщице. Можно было, наверное, поправить сломанное, но мне не хотелось в самый интересный момент опять остаться с камнем вместо орудия. Ладно ещё, если это случится в гражданской ситуации, а ну как в военной? Так и представляю себе эту картину: нападает на меня какой-нибудь дикарь, размахивая копьём, я хватаю топор, а он такой – хрясь! И дальше мною кормят всё племя. Нечего сказать, приятная судьба.

Правда, аборигенов тут я ещё не видел, но готовым надо быть ко всему.

Когда небо начало стремительно темнеть, я уже прожёл половину отверстия и с сожалением полез в надоевшее до смерти гнездо – хотелось довести работу до конца, но заниматься этим в темноте было слишком рискованно. Ночью, как всегда, поздоровался с Шипящим, а утром, едва разлепив глаза, полез вниз. Ещё одна ночёвка в гнезде меня не устраивала совсем.

Новый топор легко срубил два молодых деревца, из которых я намеревался сделать метательные копья, после чего, подумав, я пошёл испытывать инструмент на бамбуке. Требовалось сделать приставную лестницу, без которой расположить дом на высоте не представлялось возможным.

Для этого я выбрал две направляющие из самых длинных и толстых жердей, обе метров по шесть, после чего вооружился швейцарской пилой и прорезал в каждой пазы через равные промежутки. Линейкой служил шнур с нанесёнными углём метками. Затем пришёл черёд топора – разметив бамбуковые палки, я нарубил десятка полтора перекладин, и на этот раз изобретение первобытных людей не опозорило себя. Оставалось только вложить перекладки в пазы и примотать их к направляющим.

Теперь можно было приступить непосредственно к дому. Мне очень не хватало хотя бы одного-единственного гвоздя, который можно было бы вбить в ствол сосны и положить на него конец бамбуковой жерди, пока я возился бы с другим концом, и в итоге я заменил его острым сучком, кое-как вколотив его в кору. Вопросы, как крепить балки к стволу, не стояло – я мог сделать это одним-единственным способом, то есть привязать с помощью шнура. Именно это я и сделал, стараясь приматывать всё потуже и не жалея материала – в конце концов, он должен был выдержать несколько сот килограммов нагрузки в виде пола, стен, крыши, моего имущества и меня самого.

Дело шло быстро. Установив несущую конструкцию, я принялся за второстепенные балки, образующие покрытие пола. Каждую из них я тщательно привязывал к основным, чередуя длинные и короткие жерди так, что образовался зубчатый край – в нём я намеревался закрепить будущую стену. Зверски не хватало помощника, который мог бы подавать материал – приходилось постоянно спускаться и подниматься, а за раз я мог взять наверх только пять бамбуковых палок. Отчаянно хотелось есть – за сегодня весь мой рацион составили горсть

«клюквы» да небольшая рыбка, но идти искать еду было уже поздно, к тому же я твёрдо намеревался сегодня перебраться на новое место. Спать враскорячку в гнезде надоело до чёртиков.

Собственно, этого я добился: когда солнце окончательно зашло за горизонт, уложить удалось большую часть нарезанных стеблей – около метра с лишним настила. На него-то я и лёг, подняв лестницу наверх и с наслаждением вытянув ноги. После неудобного гнезда жёсткие бамбуковые жерди казались мягчайшей кроватью, и для полного счастья не хватало разве что бутылки пива да грудастой девицы под боком.

Да, девица была бы нынче в самый раз. Она могла бы подавать бамбук, пока я работаю над остальной частью дома.

Х

Пока я валяюсь на полу нового дома под пение сверчков, заложив руки за голову, самое время поразмыслить.

Итак, я здесь уже восемь дней, и первичная цель достигнута: я обустроил себе постоянное убежище – во всяком случае, начал его обустраивать и теперь могу хотя бы спать в относительной безопасности и удобстве. Это хоть как-то ослабило психологическое давление, которое я приглушал работой. Стоит только задуматься о том, что же будет дальше, как всё, баста – тут же начинаешь рубить бамбук, вязать верёвки, делать что угодно, лишь бы не вспоминать о вынужденной робинзонаде.

Вообще среднестатистический человек мало готов к тому, что он может вдруг оказаться в ином мире – даже с учётом популярности этой темы в СМИ и регулярных новостей в духе «сотрудники Департамента Контроля Реальности нашли кости очередного попаданца, сожранного каннибалами мира R4». Это потому, что мало у кого в окружении есть люди, угодившие туда и, главное, вернувшиеся обратно. Вот и возникают мысли «со мной такого не произойдёт, потому что никто из моих знакомых...» и так далее. Это называется «эвристика доступности». То, что на ум не приходит ни одного такого случая, вовсе не означает, что их нет. В одной только Харьковской области в год пропадает несколько сотен человек, из них несколько десятков – бесследно. Где их искать? Скорее всего – в других мирах. Но это я понимаю сейчас, а тогда как-то не задумывался.

Ну да ладно: поныл, теперь можно и о дальнейших перспективах поразмышлять.

Во-первых, помощь, скорее всего, не придёт. Конечно, хотелось бы верить в лучшее, но я по природе своей реалист – если бы мою пропажу связали с аномалией, то Департамент давно отправил бы специалиста на эту сторону. При этом далеко не факт, что меня вообще посчитали пропавшим без вести – может, я решил таким методом институт бросить. Так что надеяться на визит спецназовцев в гламурной чёрной форме с автоматами наперевес не стоит.

Во-вторых, из этого следует логичный вывод: моё положение, как ни крути, критическое и останется таким ещё очень долго, а в некоторых аспектах и навсегда. Робинзон Крузо перевёз с корабля то ли десять, то ли одиннадцать плотов, нагруженных всякой всячиной: от канатов и инструментов до рубашек, вилок, сухарей и даже спиртного. У меня же нет даже нормального запаса одежды, и рано или поздно футболкам придёт конец, так же как берцам, ботинкам, штанам и куртке. Рюкзак, наверное, прослужит дольше, да и заменить его будет проще, но оказаться голым в этих местах означало замёрзнуть – не тропики, в конце концов.

То же самое касалось инструментов и вещей обихода. Положим, топор я сделал, он хоть и не металлический, но рубит неплохо. Есть мысли, как сделать каменный молоток – тоже хорошо. Но мне требовалось ещё очень многое: стамеска, рубанок, лом, лопата, корзины, мешки, фляги – всего и не перечислишь. Насчёт части этого списка имелись какие-то мысли, насчёт остального... в общем, всё плохо.

Преимуществом же перед коллегой из книги Дефо была информация. Робинзон, как показывала книга, очень многого попросту не знал, так что ему пришлось экспериментировать даже с обжигом горшков, не говоря уж обо всём остальном. Я же обладаю техническими знаниями студента-инженера и понемногу эрудирован в самых разных сферах – от жанров порно до устройства древней копьеметалки. И если первое в нынешней ситуации вряд ли получится использовать на практике, то копьеметалку я собирался сделать не далее как завтра утром.

В-третьих, риски. Их я уже перечислял, и они никуда не делись. Если я порежусь и получу заражение крови, мне конец. Если загноится рана и начнётся гангрена, мне конец. Если начнётся аппендицит, мне конец. Да что там, я могу подохнуть даже от банальной простуды. Ну и что из того, что я знаю о, скажем, пенициллине? Надо ведь ещё понять, какая конкретно

плесень его вырабатывает и как его применять, а в медицине я дуб. И метод проб и ошибок в этой сфере применить не выйдет.

С другой стороны, есть и положительный момент. Я мог быть астматиком, аллергиком, эпилептиком или вообще диабетиком – в большинстве таких случаев попаданцу остаётся только сделать сэпку, чтобы не мучиться. Более того, я имею какую-никакую, но всё же подготовку: спортом занимался, ходил в походы, знаю даже, как стороны света по часам и солнцу определять. Многие мои товарищи по учёбе отправились бы в пасть Шипящему, не пережив и первой ночи. Одни – потому что не додумались бы спать на дереве, а другие – потому что не смогли бы залезть на него.

Ну да чёрт с ним – повлиять на это я всё равно не могу. Разве что осторожней себя вести надо, например, мыться лучше в полдень, когда жарче всего, и попытаться получить спирт – об устройстве перегонного аппарата я представление имею, благо что оно элементарно. Но это в будущем.

Наконец, в-четвёртых, я остался один. Мне даже не с кем поговорить. Конечно, я тот ещё нелюдимый социопат – Настя в этом была совершенно права, да и сейчас мне не до общения – тут бы выжить, но через годик-другой, когда (и если) моя жизнь наладится, я вполне могу взвыть от одиночества.

И в-пятых, зима близко. Рано или поздно дни начнут укорачиваться, и к тому времени надо будет обустроиться по полной программе.

Короче говоря, всё это – вещи такие, о которых задумываться бессмысленно. Как инженер я не имею права думать «почему не получится», я должен думать «как сделать», а заодно решать проблемы по мере их поступления. Вот как начну выть от одиночества, тогда можно будет и начать работать в этом направлении. Например, поискать людей. Если они сами до той поры меня не найдут.

В конце концов, у меня слишком много более насущных и реальных проблем, чтобы думать ещё и о духовном. Пирамида Маслоу, все дела. Чтобы заняться саморазвитием, сперва надо ощутить себя в безопасности, а я и этого не успел толком достичь. Зато проблемы продолжали висеть над душой.

Первое – это оружие. Я уже убедился, что здесь существуют опасные для человека твари – ну, или хотя бы твари, которые кажутся таковыми. Кроме того, мне нужны охотничьи инструменты. Самое очевидное, что приходит на ум – это праща, дротики и лук со стрелами, а также силки. Вторым номером идут корзины для сбора плодов и ягод. Кстати, о ягодах: на болото однозначно стоит наведаться. Витамины мне нужны.

Дальше идут инструменты для труда. Топор я уже сделал – это и оружие, и инструмент. Есть ещё пара каменных ножей. Нужно ещё много чего, этим всем придётся заниматься.

Дальше – дом. Ну, тут всё понятно: надо достроить пол, стены и крышу, причём крышу – как можно скорее. Мне пока везёт, что нет дождя, но это не может продолжаться вечно. И к тому времени надо будет защитить конструкции дома от влаги.

Надо разведать местность дальше от базы. Надо подумать о термоизоляции, ночи и сейчас довольно холодные. Надо сделать печь для отопления – потом будет поздно. Надо... надо... много чего надо.

А сейчас – спать.

XI

Это была первая ночь, когда я спал как младенец, даже Шипящий не разбудил. Но приходил – даже отсюда была видна содранная кора на одной из моих сосновых колонн. Рано или поздно придётся разобраться с этой проблемой.

Спустив лестницу вниз и сойдя на землю, я принялся за изготовление копьеметалки. Устройство этой гениальной штуки очень простое: это, по сути, палка с выступом на конце. Метатель упирает пятку дротика в этот выступ, сам берётся за другой конец и, собственно, метает.

Сделать её тоже проще простого. Достаточно найти молодое деревце с хорошим суком, срезать его и укоротить до нужной длины, после чего содрать кору и обстругать, оставив сук, и, по сути, копьеметалка готова. Правда, дротик постоянно соскальзывал с упора, так что я прорезал в нём паз наподобие ушка у стрелы, а выступ копьеметалки немного заострил, и проблема исчезла. Швырять дротики в цель оказалось забавно и невероятно интересно – часа два я только и делал, что раз за разом взмахивал новым инструментом, шёл подбирать снаряд и возвращался обратно к черте. После определения подходящей для моих рук длины орудия дротики полетели удивительно точно: не сказать, чтобы я достиг мастерства греческих атлетов, но, приноровившись, с десяти – пятнадцати метров попадал в пенёк довольно уверенно.

Потом копьё всё-таки надоело тыкаться в твёрдую мишень, и древко треснуло. Но я был готов: в убежище лежали заготовки для запасных, так что это лишь послужило сигналом отправиться на охоту, что я с удовольствием и сделал.

Следующие часы ушли на поиски чего-нибудь бегающего и при этом съедобного. Мелкой живности в этом лесу водилось очень много – по крайней мере, в сравнении с харьковскими лесами, но здесь проявилось моё охотничье «мастерство»: я либо пугал животных ещё до того, как замечал их, либо срывались попытки подкрасться достаточно близко, либо я попросту промахивался при броске. При том, что, вообще говоря, звери тут были совсем непуганые и нисколько не боялись, даже если я проходил в каких-то тридцати шагах. Лишь к вечеру, наконец, удача улыбнулась мне: очередной заяц оказался то ли глухим, то ли слишком тупым, позволив мне подойти почти вплотную и взять его на прицел. В общем, лом просвистел, как копьё Чингачгука... и вонзился в несчастного зверька, прошив его чуть ли не насквозь.

Такого, если честно, я не ожидал. Заострённая и обожжённая жердь – казалось бы, что в ней опасного? Но выяснилось, что опасного немало. Я с нескрываемым уважением посмотрел на копьеметалку. Теоретическая механика – страшная вещь.

Добыча действительно оказалась зайцем – по крайней мере, с виду. Судить о его отличиях от земного я не стал по той простой причине, что никогда толком зайца не видел – только кролика, да и того преимущественно в жареном виде. Чем-то особенным, вроде рогов или клыков, убитый не выделялся – заяц как заяц. Особо упитанным, к моему разочарованию, он тоже не выглядел, но мяса в этой тушке мне вполне хватит на пару – тройку дней, а дольше хранить его всё равно не получится. Значит, и думать не о чем.

Остаток дня ушёл на то, чтобы кое-как содрать с зайца шкурку и смыть в реку всё лишнее вроде головы и потрохов, после чего солнце окончательно зашло за горизонт. Машинально отметив время, я рискнул всё же попытаться не лечь сегодня спать голодным. Шипящий ещё ни разу не приходил раньше чем через час после заката, так что время у меня ещё было, но на всякий случай я заранее установил лестницу, затащил наверх весь скарб и устроился жечь костёр рядом с убежищем. Пока тот прогорал, наверх ушли и остатки зайца, завернутые в лист лопуха.

Потрудился я обеспечить и сигнализацию, вкопав на перешейке несколько бамбуковых кольев и набросав между ними колючих веток с ближайших кустов.

Затем над углями протянулись деревянные шампуры с нанизанными кусочками мяса, и я приготовился вкушать лучший в моей жизни шашлык. Не изменил мои планы и начавший было моросить дождичек – костёр недовольно зашипел, но воды не хватало, чтобы загасить его. Так что шашлык продолжал готовиться.

У меня по-прежнему не было ни маринада, ни специй, ни соли, ни хлеба – вообще ничего, но голод – лучшая приправа и закуска. Можно было бы, наверное, слопать зайца и сырым, но что-то во мне всё же противилось этому. Так и до неандертальца скатиться недолго. И паразитов каких-нибудь подсадить.

Соль, впрочем, можно будет найти. Я видел вдалеке море, на берегу должны быть кристаллизовавшиеся отложения, а в крайнем случае я найду способ её выпарить. Каменную я тут вряд ли найду – хотя бы потому, что понятия не имею, где её искать. Вроде бы слоны в Африке наведываются в какие-то пещеры, но пещер тут не наблюдается, да и кто знает, что за твари могут в них водиться? А твари тут есть, Шипящий тому пример.

Специи... это уж совсем мечта о роскоши, конечно. А вот с травами поэкспериментировать можно. Чай, например, заваривать. Холодным вечером – самое то...

Размышления прервал шелест кустов.

Умный человек на моём месте бросился бы наверх сразу. Да что там – умный вообще лёг бы спать голодным. Ну а я, поддавшись зову плоти, попытался прихватить с собой веточки с почти готовым ужином – и едва не стал ужином сам. Шипящий двинулся потрясаясь быстро: я был ещё на середине лестницы, когда его лапы разметали сухие иголки под соснами, и только везение спасло мои ноги от класнувших буквально в сантиметре челюстей. Не дожидаясь продолжения, я поддал ходу, да так, что обогнал бы лучших скалолазов. Шипящий не оценил такое поведение по достоинству и попытался влезть следом, но навыков паркура ему явно не доставало: чудовище силилось влезть на третью перекладину, когда я уже развернулся наверху и сильным толчком отправил лестницу на землю.

И едва не сверзился следом, разглядев, наконец, ночного гостя.

Больше всего Шипящий напоминал комодского варана, то есть трёхметровую коротконогую ящерицу. Только если варана покрывала чешуя, то Шипящего – тёмно-фиолетовые перья. Не удивительно, что он так лихо прятался в тени.

Зубищи у него тоже оказались будь здоров – ничуть не хуже когтей. Мне аж поплохело, когда я представил себе эти челюсти сомкнутыми на своей ноге. Наверное, будь тварь немного побыстрее, моё приключение на этом и закончилось бы.

– Что, съел?! – истерически выкрикнул я и для верности плюнул вниз. Ящер зашипел громче. Выглядел он каким-то... удивлённым, что ли. – Пшёл отсюда! Вали на хрен, я сказал! – я оглянулся в поисках чего-нибудь, пригодного для метания. И нашёл. Следующим вместо плевка вниз улетел окатыш, припасённый для будущей пращи.

Камень угодил Шипящему прямо по лбу, и ящер предпочёл спрятаться под моим убежищем. Впрочем, его всё равно выдавал хвост.

Вздыхая и тщетно пытаясь успокоить нервы, я проверил, целы ли шампуры с мясом. Один всё-таки упал – не иначе как Шипящий за ним и полез – а вот второй лежал на бамбуковом полу, целый и невредимый, и будто звал: «съешь меня!». Противиться этому зову было бессмысленно, так что я всецело отдался искушению и через секунду уже вонзил зубы в жёсткое, пресное, недожаренное, но такое вкусное мясо.

Где-то подо мной хрустнул шампуром Шипящий, разделяя трапезу.

XII

Утром пришлось спускаться прямо по стволу – прыгать с шестиметровой высоты я не рискнул. Земля вроде бы мягкая, но лучше уж я себя поберегу. Даже лёгкая травма может стать фатальной, если, например, я не смогу быстро ходить и бегать.

Следовало бы приняться достраивать дом, но, поразмыслив, я решил отложить это и отправился на второй круг разведки. Смартфон, несмотря на выключения во время бездействия, уже тревожно пиликал о низком заряде аккумулятора, так что оставалось только положиться на свою память. Занялся же я тем, что, позавтракав, отправился на болота.

На этот раз путь показался легче – может, потому, что теперь я шёл почти напрямик, а может, потому что уже приновился к местным условиям. Попадавшиеся несколько раз зайцы немедленно испытывали на себе копьёметалку, но все мои достижения свелись к небольшой царапине у одной из жертв, которая только прибавила ей прыти. Метать по-настоящему я ещё не умел – впрочем, на сегодня мяса должно было хватить. А если повезёт, то чего-нибудь поесть всё же найду.

Но уже на опушке у самых болот я встретил то, чего встретить никак не ожидал: человеческий труп.

Это была девушка лет двадцати пяти, во вполне земном на вид строгом платье типа «секретарша у босса», в аккуратных очках и накрашенная, как индеец перед атакой на лагерь конфедератов. Светлые волосы схвачены заколкой, на ногах – туфли на шпильках, рядом с телом – сумка и папка с какими-то документами: ну точно, офисная работница. Телу было дня два, судя по синюшному лицу, и очень странно, что им не закусил Шипящий или ещё кто-то из местных заправил хищного мира. Кроме того, совершенно неясно, что же убило несчастную попаданку – никаких видимых ран на теле я не заметил, да и растерянное выражение лица не намекало на страшные мучения перед смертью. Мёртвая напоминала куклу, у которой вдруг обрезали нити.

Тело я трогать не стал, а вот в папку и сумку заглянул. В первой обнаружились школьные тетради в клеточку, едва начатые детскими неуверенными каракулями, во второй – гигиенический набор, несколько ручек, блокнот, косметичка, телефон, кошелек и брелок с ключами. Всё это вместе с сумкой я уложил в рюкзак, стараясь подавить невесть откуда взявшееся чувство стыда.

Будь девушка секретаршей, уверен – я бы такого не испытывал. Совсем другое отношение почему-то. Но эти тетради...

– Извини, – пробормотал я, взглянув на неё последний раз. – Оказалась бы ты тут сейчас, а не тогда...

А ведь если быть честным хотя бы с самим собой, есть и плюсы в том, что я не застал девушку живой. Например, я не получил на руки балласт – ведь на вид погибшая ну никак не тянула на человека, имеющего хотя бы базовые умения лесной жизни. Пришлось бы кормить её, учить тем самым базовым умениям, оттягивая строительство базы и всё остальное. По лесу с ней тоже не походишь – на таких-то шпильках, оружие в руках она вряд ли держала. Да, общество симпатичной блондиночки (а потом брюнеточки, судя по чёрным корням волос) скрасило бы грядущее одиночество – и в социальном, и в сексуальном смысле: не думаю, что мы соблюдали бы целибат в таких условиях. Но она вполне могла стать якорем, который потянул бы меня ко дну.

Такой вот первобытный цинизм.

Нет, конечно, я бы её не бросил. Не сволочь же я, в конце концов. Только сути-то это не меняло.

И по-прежнему оставался вопрос, что её убило и почему тело никто не съел. Оглядевшись, я увидел только белый валун, гордо возлежавший у деревьев. Хэй, так ведь именно сюда меня выкинуло впервые! Как раз на нём я и сидел, размышляя о своей нелёгкой доле в первые минуты после переноса. Ничего удивительного, что учительница тоже попала сюда.

Тогда я не присматривался к камню, но теперь задумался. Валун, мягко говоря, выглядел тут совсем не к месту. Ладно бы в холмах, но здесь, на краю болота? И казался он каким-то чересчур уж белым: ни мха, ни вкраплений минералов, как это часто бывает. Я даже не поленился подойти ближе, хоть колени, честно говоря, малость тряслись. И не зря: на поверхности камня обнаружились письмена на каком-то неизвестном языке, которые я попросту не заметил в первый раз, благо что они оказались как раз под моей задницей.

Естественно, не прошло и десяти секунд, как я уже был на почтительном расстоянии и, бросив через плечо опасливый взгляд, зашагал на болото.

Наверняка девушку убила магия белого валуна или что-то в этом роде – других объяснений у меня не было. И по той же причине к камню не приближаются хищники – знают, сволочи, об опасности. Правда, оставался вопрос, почему до сих пор жив я. То ли камень срабатывал выборочно, то ли только в определённое время, то ли ещё что. Жив – и ладно, зато теперь знаю, к чему не стоит подходить близко.

Болото оказалось обширнее, чем я предполагал. Тянулось оно до самого горизонта, и заходить далеко я не рискнул: мало ли, провалюсь ещё и утопну, как котёнок. Исследовал только пограничную зону, тем более что довольно скоро на пути попало несколько кустов с мелкими красными ягодами. На вкус они напоминали смородину, но, памятуя про осторожность, я съел только две штуки, и этого хватило: через час я позволил себе даже проблеваться, будучи не в силах терпеть резь в желудке. Это кое-как облегчило боль, и я повернул обратно, сорвав на память веточку – чтобы запомнить и не попадаться.

Немало тут было и грибов, напоминавших наши моховики и подосиновики – мимо них я проходил, не задерживаясь. Правда, выглядели они вполне съедобными, но чем-чем, а грибами отравиться можно проще простого. В итоге уже с большой опаской я попробовал другую ягоду, тёмно-синюю, а потом набрёл на целую рощу кустов с ней и, чтобы не возвращаться налегке, собрал в рюкзак несколько крупных горстей. Никаких мыслей в голову тогда не приходило – я прислушивался к ощущениям в животе, но тот молчал.

Полакомился десертом я уже на базе, заодно доев остатки зайца. А потом, радуясь такому внезапному роялю в кустах, перерисовал карту в одну из тетрадок. Телефон можно было отправлять на заслуженный отдых.

XIII

На то, чтобы доделать пол, ушло пять дней, зато в итоге получилась крепкая деревянная платформа, скреплённая намертво – даже краш-тест в виде прыжков и нескольких па гопака не заставил её шелохнуться. Под будущее жильё я получил прямоугольник размером примерно два на четыре с хвостиком метра, не считая оставшегося в торце треугольничка – как я уже говорил, сосны росли не так идеально, как хотелось бы. Но всё же это лучше, чем неправильная фигура.

Все бамбуковые жерди были тщательно привязаны к основным балкам, после чего я замазал верёвки древесной смолой, предварительно очистив её от крупного мусора и размягчив над костром – в результате получился кустарный композитный материал из естественных компонентов. Бамбук, пожалуй, переживёт не один дождь, а вот волокна из коры могли сгнить очень быстро, и защитить их от влаги было крайне необходимо.

Затем я принялся за крышу. На этом этапе возникла серьёзная необходимость в измерительном инструменте, так что в итоге я обзавёлся двумя линейками – деревянной и верёвочной, а кроме того, элементарным строительным отвесом. Своей цели эти самodelки вполне достигали: в конце концов, мне важны были относительные размеры, а не абсолютные, а уж разделить отрезок на равные части можно и рогулькой вместо циркуля. Кроме того, я собрал ещё одну лестницу, покороче, чтобы не делать крышу слишком низкой.

В основе этой конструкции лежал тот же принцип, что и у пола, то есть две балки, уложенные вдоль и привязанные к стволам, причём одна из них сантиметров на пятнадцать выше другой – чтобы по будущему настилу стекала вода. Затем я начал выкладывать жерди, следя, чтобы выступающие зубцы совпадали с зубцами пола. Здесь опять пригодились линейка и верёвочка с грузиком – универсальный инструмент строителей во все времена. Работа кипела.

И работа эта вовсе не была скучной. Энтузиазм подогревало осознание того, что я работаю на самого себя, более того – строю себе дом, убежище, а каждая уложенная палка требовала концентрации внимания, так что желания отвлекаться не было вовсе. Удалось мне и рационализировать труд: теперь я обрабатывал бамбук непосредственно на платформе, делая пропилы для верёвок и обреза жерди до нужной длины.

Грудастая девица больше не требовалась, исключая использование по прямому назначению. Хотя с таким ударным трудом на эротические мысли попросту не оставалось времени.

Работая от рассвета до заката, на крышу я истратил ещё пять дней, а потом крепко задумался на предмет того, как бы сделать этот навес водонепроницаемым. Единственным, что пришло на ум, была глина. О черепице нечего было и мечтать – у меня не было печи для её обжига, хотя я приблизительно и представлял себе её устройство, но воду отлично сдерживал бы и мягкий слой. Варианты вроде использования чернозёма или хвойных веток я отмёл сразу – это временные решения, но никак не постоянные. К тому же хвоя увеличит опасность пожара.

Итак, требовалось найти глину. Но мало её найти – надо ещё её притащить. Это у персонажей компьютерных игр есть безразмерные инвентари, в которые можно класть всё, что угодно – от луков, мечей и копий до оторванных голов каких-нибудь квестовых монстров, я же не очень-то хотел вымазывать единственный рюкзак. Очевидным решением были корзины, и, хотя я не имел ни малейшего представления об их плетении, всё же нарезал лозы с местных ив и принялся за работу. Именно тогда меня и застала гроза.

Глядя, как небо торопливо затягивается тучами, я вооружился топором и срезал несколько больших разлапистых ветвей, которые бросил на крышу. Затем присыпал всё более мелкими сосновыми лапами, закрыв промежутки, и когда прогремел первый гром, я уже спокойно сидел в «домике». Полной защиты, конечно, это не давало – вода всё же просачивалась

внутри, да и отсутствие стен давало о себе знать. А когда начался настоящий ливень, вся эта несчастная конструкция сдалась окончательно, и только небольшой пяточок, где палки прилегли друг к другу очень плотно, остался сухим.

Небо то и дело сверкало молниями, раскаты грома гремели один за другим. За всё предыдущее время был только один дождик, который я едва заметил, и оставалось лишь радоваться, что я успел закончить основу крыши до того, как началось ЭТО. Как ни крути, но даже в такой ситуации я ещё оставался более-менее сухим, что давало надежду не слечь с простудой – в моём положении это означало почти гарантированную смерть.

XIV

«День двадцать первый. Уже три недели, как я торчу здесь, и, как ни странно, до сих пор ещё могу писать это. Да, мне всё-таки пригодились учительские тетрадки: вырвав страницы с каракулями пятиклассников, с ошибками решавших линейные уравнения, я стал вести дневник. О чём в этом самом дневнике и пишу».

Вторую тетрадку – ту, в которую перенёс карту – я использовал как атлас-путеводитель для туриста, то есть попросту отметил цифрами все ориентиры на карте и тщательно описал каждый. Туда же я зарисовал оба найденных ягодных куста, указав форму листьев и нарисовав жирный череп с костями напротив ядовитого. Честно говоря, не хотелось и думать, что было бы, если бы я съел больше.

С корзинами пришлось повозиться. Непослушная лоза постоянно выскакивала из пальцев, кое-как связанные в центре прутья расползались, не желая превращаться в плетёное изделие. Труднее всего, однако, оказалось начать: когда я кое-как всё же уложил доньшко, дальше дело пошло как по маслу. Получилось нечто до крайности уродливое, не очень прочное, но всё же держащее форму. С ним-то я и отправился на поиски глины, которую в конечном итоге всё же нашёл, спустившись в лесную низину, где обнаружилось озеро с глинистыми берегами. Рай для гончара.

Там же, однако, обнаружился и ещё один белый валун, так что я аккуратно устроился подальше от него и быстро наполнил корзину, после чего поспешил ретироваться. Тащить эту штуку оказалось зверски неудобно – держать её можно было только в руках перед собой, да ещё и дно недовольно потрескивало, грозясь вывалиться. Шесть километров до дома я преодолел с большим трудом, а ведь мне требовалась не одна такая корзина. Но перспектива намочнуть заставила сжать зубы и снова отправиться к озеру.

Таскал глину я ещё четыре дня. Крыша выстилалась тростником, который обильно рос у реки, затем этот слой промазывался глиной, и так несколько раз, пока толщина полученной конструкции не удовлетворила мою инженерную интуицию. Кроме того, я приволок ещё пару корзин, набрав небольшую кучу во «дворе» моего убежища для будущих нужд. Пятый день был посвящён отдыху: эти проклятые походы с тяжелой корзиной вымотали меня до полу-смерти. Единственное полезное, что я сделал за первую половину дня – это сходил к «раскидистой клюкве», сорвав себе дополнительную порцию плодов. Вкупе с печёным зайцем они пошли не хуже, чем в лучшем французском ресторане.

Всё остальное время, устав от безделья, я потратил на установку силков, потому что охота отнимала слишком уж много времени, а дел и без неё было невпроворот. Об их устройстве я не имел ни малейшего представления, так что пришлось разработать собственную конструкцию: гибкая ветка с самодельными шипами отгибалась и стопорилась палочкой, к которой привязывалась нить с кусочком плода клюквы на другом конце. Животное тянуло приманку, вышибало стопор, после чего его убивала, кхм, убивалка – другого названия для сего орудия я найти не смог.

Под вечер же я соорудил пращу. Она оказалась одной из тех немногих задумок, с которыми не возникло вообще никаких проблем на этапе конструирования: я просто сложил втрое короткий участок в середине шнура и перевязал его нитями из коры, получив карман для камня, после чего завязал петлю на одном конце – и праща была готова. Первобытное изобретение, самое простое, которое только можно придумать.

Зато проблемы возникли, когда я попробовал из этой пращи во что-нибудь попасть. Мишенью был выбран тот самый многострадальный пенёк, уже испытывший на себе мощь моей копьеметалки. На этот раз, однако, судьба его миловала: из первых двадцати бросков точно в цель угодил лишь один, да и тот, пожалуй, случайно, что даёт полное представление о моей

меткости. Упражнялся в метании я несколько часов, после чего вынужден был признать, что пращник из меня такой же хреновый, как и турист.

Может, даже хуже.

В общем, судя по всему, придётся делать ловушки и пользоваться копьеметалкой, как вариант – найти гибкое дерево, пригодное для изготовления лука. Совершить же неолитическую революцию и перейти от собирательства с охотой к земледелию и животноводству мне не доставало знаний. И, конечно, рабочих рук.

Мысли вновь вернулись к грудастой девице. Всё-таки жаль, что учительницу я нашёл уже мёртвой. Фигурка у неё была что надо.

В этот момент я почувствовал себя законченным циником и устыдился, но ненадолго.

Ночью опять пришёл Шипящий – он не появлялся уже три дня, я даже начал беспокоиться. Ящер давно превратил эти походы в своеобразный ритуал, бросив попытки влезть на платформу и тихо шипя внизу – этим он занимался минут двадцать, после чего желал мне доброго вечера на своём языке и убирался восвояси. Я всё больше начинал подозревать, что именно благодаря этой твари ко мне не приходил пока больше никто другой, ну да оно и к лучшему. Единственное, что вызывало неудобства – это невозможность нормально сходить ночью в туалет. Сейчас-то ещё можно облегчиться прямо с платформы, а что будет, когда я стены дострою? Разве что делать это с лестницы.

Наутро я первым делом проверил силки и обнаружил, что из пяти ловушек сработали все, но зайцы обнаружались только в двух, и только в одной – целый и невредимый, если не считать пробитого шипом затылка. До второго же добрался хищник, и выглядел бедняга так, будто над ним поиздевался безумный вивисектор – нечего было и думать снова взводить эту ловушку: вонять тут будет неслабо, и ни один заяц не сунется в ближайшие дни. Так или иначе, один из пяти – уже неплохо, а там посмотрим. Краткий анализ выявил, что я просто неточно установил прицел для убивалки, так что надежда на постоянное снабжение мясом оставалась.

Позавтракав, я принялся возводить стены. Сперва предполагалось сделать их из всё того же бамбука, но ближайшие кусты я вывел под корень, а жердей требовалось очень много. Правда, стены не были несущими, так что сгодились бы и бракованные стволы, но этот же фактор заставил меня обратить внимание на тростник.

Надо сказать, это растение действительно очень походило на наш камыш или рогоз, только было раза в два толще и выше, а в более глубокие ботанические подробности я не вдавался. Так или иначе, оно давало то, что мне нужно: в меру жёсткие и прочные стебли, совершенно непригодные для несущих балок и пола, зато вполне подходящие для стен. К тому же буквально в двух шагах от дома располагались целые заросли этой штуки, что сильно экономило время.

Но всё равно я старался выбирать стебли потолще и покрепче – просто на всякий случай. В результате два дня ушло только на то, чтобы нарубить тростника, а под домом скопилась целая груда кольев, так что небезызвестный Влад Дракула был бы в восторге. Ещё два дня, пока тростник подсыхал, крутились шнуры из коры – их требовалось много, а все запасы ушли на крышу и пол. Да, тяжела участь строителя-одиночки.

В конце концов, я всё же принялся за стройку, радуясь, что так точно рассчитал всю конструкцию – сходилась всё просто на загляденье. Стены выкладывались не в один, а в три слоя, каждая камышинка аккуратно приклеивалась смолой в двух точках и подвязывалась с помощью шнура, если требовалось. Удалось даже сделать два окна и вырезать дверной проём.

Правда, построив таким методом две стены, я обнаружил, что нужно собрать ещё две, а зубцов там нет – есть голая гладкая бамбуковая палка, чего я почему-то не учёл при проектировании. Пришлось напрягать мозги и решать проблему, привязывая жерди как есть. Впрочем, сгодится и так – нагрузки тут небольшие.

Ну, а дверью со ставнями стали простые тростниковые панели, которыми загораживались проёмы. Поначалу я хотел, конечно, сделать нормальные, на петлях, но как надёжно закрепить их без хотя бы элементарных гвоздей, так и не придумал. Впрочем, меня устраивал и такой вариант.

Дело было за мебелью, но мне до того осточертело плотницкое дело, что я взял гарпун и пошёл на реку – рыбачить. И, разумеется, сделал это совершенно зря, потому что река принесла мертвеца.

XV

Сложно сказать, зачем я это сделал, но что есть, то есть – я зацепил труп гарпуном и подтащил ближе к берегу.

Больше всего мужик походил на скандинава – во всяком случае, ему отлично подошла бы роль какого-нибудь викинга по имени Харальд или что-то в этом роде. Светловолосый, голубоглазый, плечистый и явно не крестьянин, хотя из одежды на нём были только белая туника с поясом и штаны – ни оружия, ни доспехов. И шрам на щеке, от чего-то острого. Перерезанное горло указывало на то, что, скорее всего, его где-то по-тихому прикончили, обобрали и спихнули в реку с расчётом, что вода скроет следы.

По-хорошему стоило бы похоронить его, но без лопаты это заняло бы слишком много времени, а времени у меня не было. Так что скрепя сердце я отправил Харальда плыть дальше.

Встреча эта вызвала серьёзную тревогу. Очевидно, что здесь есть цивилизация, и далеко не факт, что она дружелюбно отнесётся к незнакомцу вроде меня. Если вспомнить статистику Департамента Контроля Реальности, многие попутанцы гибли не от голода и холода, а как раз от рук туземцев. Средневековое мышление таких людей заставляло их видеть врага в любом чужаке. Цивилизованное, впрочем, мало отличалось: в другие миры, как правило, попадали горожане, которые лопату в руках держали только у бабушки на даче. И, соответственно, кормить лишний рот никому не хотелось – своих хватало.

А если кого и принимали, обучив по доброте душевной языку и работе, то эти ребята становились козлами отпущения во время разного рода бедствий. Если поля пожрали вредители или болезнь, кого проще всего обвинить в колдовстве? Разумеется, того, кто выделяется. Рыжего. Слишком красивого (или красивую). Дурачка. Или попутанца.

Вот и не выживали наши ребята в других мирах.

К слову, на сайте Департамента имелся целый раздел, обозванный «Руководство по выживанию в случае локального сдвига пространства-времени», то бишь встречи с тем самым разрывом, в который угодил я. Но, по понятным причинам, особого смысла в разделе не было: не будет же среднестатистический горожанин каждый вечер перечитывать сотню страниц, пока не вызубрит наизусть? Это только выживальщики таким занимаются, но они вообще двинутые малость, по-моему.

Хотя я мог бы просто держать оффлайн-версию на смартфоне. Просто на всякий случай. На такой случай, как сейчас. Бережёного Бог бережёт. На Аллаха надейся, а верблюда привязывай. Ну, и так далее. Навыков и знаний мне очень не хватало.

С другой стороны, я построил дом на дереве, и он не развалился. Я сделал копьеметалку, пращу, корзину, гарпун для ловли рыбы, научился добывать огонь без спичек и зажигалки... и не умер. Вот что главное. Я живой. А ведь мог бы и копыта отбросить, и не раз. С ягодами, например. Или с Шипящим, если бы не додумался спать на дереве. Или...

Короче говоря, назрела явная необходимость отложить дела вроде мебели и заняться оружием. В конце концов, спать на полу я уже привык, а под крышей и с защитой от ветра это вообще будут королевские условия. Если же сюда придут коллеги уплывшего вниз по течению Харальда, мне несдобровать.

На самом деле я достаточно хорошо представлял свои шансы в бою с обученным воином. Без оружия, скорее всего, преимущество будет на моей стороне, а вот с оружием – ровно наоборот. И ведь не научиться, вот в чём засада. Нет ни учителя, ни хотя бы спарринг-партнёра. И грудастая девица тут не помогла бы.

Но сдаваться без боя я не собирался.

Начал с того, что взял копьеметалку и сделал к ней ещё несколько дротиков, стараясь вырезать их как можно более одинаковыми, и до самого вечера упражнялся в лёгкой атлетике. Постоянные тренировки начинали сказываться – бросать получалось всё лучше и лучше.

Следующим днём я вновь попытался стать пращником, но через пару часов бросил это гиблое занятие и отправился на поиски дерева для лука. До сих пор я не присматривался к тонким деревцам, теперь же долго ходил, испытывая на изгиб всё, что попадалось под руку. Несколько хороших стволов прошли первичный тест, после чего я сел их обрабатывать, нещадно тупя нож. Впрочем, делать это каменным скребком было бы сущим мучением.

Я снял кору, срезал несколько слоёв дерева с каждого из плеч будущего лука, сделав ствол более плоским и оставив круглую часть в центре для руки. Затем, сузив концы, я повесил лук сушиться и принялся за следующий. Таких основ набралось три штуки, кроме того, я пометил каждую и тщательно зарисовал внешний вид растений в тетрадку. Кто знает, сколько прослужит мне готовый лук, и не придётся ли делать ещё один? Полагаться же на память я не хотел.

Пока деревяшки сохли, требовалось сделать тетиву. Плетёный шнур для неё годился, но лучше бы поискать что-нибудь другое, так что я нарезал ещё коры и принялся снимать волокна, тщательно следя, чтобы нити получались как можно более длинными. Дальше оставалось собрать их в пучок и обмотать концы и середину, получив в результате превосходную, хотя и не очень прочную тетиву. Предварительный тест показал, что она легко выдерживает мой вес, а значит, выдержит и натяжение лука.

Впервые испытал я новое оружие на тридцать седьмой день своего пребывания в другом мире. Правда, узнал я об этом только следующим утром, пересчитав чёрточки на палке-календаре.

По традиции я снова залез наверх и развалился на полу своей хижины, заложив руки за голову.

Итак, я тут уже целый месяц плюс ещё несколько дней, потому что позорно прошляпил знаменательную дату. Ну да ладно. Первичные цели выполнены. Я до сих пор жив. Правда, изрядно похудел, с трудом сопротивляюсь мрачным мыслям о будущем, надрываюсь в попытках подготовиться к зиме и так далее, но всё же, всё же. У меня есть дом, есть источник пищи, есть оружие. Из четырёх основ для лука лишь одна показала приемлемую гибкость и упругость, остальные просто засохли и растрескались, и в качестве оружия не годились даже на дубины. Зато последняя стреляла исправно: на глаз в этом луке было что-то около пятнадцати килограммов силы натяжения – вполне достаточно, чтобы убить и зайца, и человека. Стрелы я сделал из всё того же бамбука, приклеив перья смолой и даже попытавшись вставить кремнёвый наконечник, но неудачно. Впрочем, думаю, эту проблему я решу.

Меткость оставляла желать лучшего, но всё же была лучше, чем в случае пращи.

Что делать дальше? Во-первых, улучшить оружие. Теоретически я знаю приблизительный состав чёрного пороха, практически толку от этого ноль без палочки, потому что я не знаю, как его добывать и использовать. Разве что бомбы делать – Шипящего прибить.

Бомбы вывели на другую мысль: мне не доставало глиняной посуды. В отличие от Робинзона, я приблизительно знал, как устроена элементарная печь, и глина у меня тоже имелась, так что этим стоило заняться в первую очередь.

Очень уж хотелось ухи или бульона из зайчатины.

XVI

На следующий день я сделал то, что следовало сделать давным-давно: отправился к морю за солью. Хотя теперь еды было достаточно, и живот почти не бунтовал, пресное мясо уже застревало в горле – все мы становимся гурманами, стоит хоть немного улучшить условия жизни.

Когда я впервые залез на верхушку сосны и осмотрелся, море занимало весь восточный горизонт. Тогда я не глянул, где в него впадает моя речка, да собственно, мне было всё равно. Но сейчас, когда я дошёл до устья и в нос ударил запах йода, а по правую руку раскинулся древний город, я никак не мог понять, как ухитрился проглядеть его раньше.

Да, река впадала в бухту, а та выходила на руины – судя по всему, когда-то это был порт. Естественно, его строители даже и не думали плавать вверх по течению – там только лодка пройдёт, а вот бухта – другое дело. Правда, остались от порта рожки да ножки. При слове «руины» у среднестатистического человека в голове появляется какой-нибудь древнеримский городок вроде Помпей, но это – руины откопанные, облагороженные и почищенные. Здешний же город явно был заброшен очень, очень давно, так что здания позарасти от фундамента до крыши, камни растрескались, а некоторые и вовсе искрошились в пыль, и от многих домов остались одни остовы. Лазить по ним никакого желания не было.

Архитектура, на мой дилетантский взгляд, была скорее античной, чем современной, во всяком случае, белый камень стен подозрительно напоминал мрамор, а многие дома могли похвастаться полуразрушенными колоннами. Правда, нигде не обнаружилось ничего выше двух этажей, так что оставалось только гадать, какой высоты всё это было раньше. Нашёл я тут и остатки пирсов, на удивление тоже мраморных. Корабли исчезли, а может, сгнили на дне. Но далеко в руины забредать не давала интуиция: как-то слишком уж пугающе всё это выглядело. Слишком тихо, даже ветра нет, а ведь рядом море.

А когда я нашёл на центральной площади мраморный обелиск, покрытый знакомыми на вид письменами, ноги сами понесли меня прочь из этого зловещего места, а в спину ударил порыв ледяного ветра.

Правда, обелиск никак не отреагировал на моё появление, но как-то очень уж он был похож на памятный валун, рядом с которым погибла коллега-попаданка. Может, это и совпадение. Но лучше я поберегусь – целее буду.

Соли, к моему разочарованию, на берегу оказалось совсем немного. За пару часов кое-как я наскрёб крошечную горстку – весь улов мог бы поместиться в спичечный коробок, и специально подготовленный кусок бамбуковой палки с пробками не заполнился и на десятую часть. Для начала этого, конечно, хватит, но каждый раз так мучиться меня совсем не устраивало.

Обратно я шёл мрачный и подавленный. Наседали мысли наподобие «в какую вонючую дыру я попал?» и «долго я тут не проживу». В самом деле, вокруг – какая-то глушь, руины красноречиво показывают, что местный край оставили и сбежали куда подальше, если вообще не перемёрли. Единственным лучом света в тёмном царстве был Харальд, даром что мёртвый и безымянный. Сейчас я не был уверен, что мне вообще нужна цивилизация, в которой людей режут и пускают по реке, но рано или поздно одиночество меня доконает.

Короче, я решил: обустроиваюсь тут по максимуму, чтобы обеспечить себе путь к отступлению, а дальше иду искать людей. Рано или поздно я войду с ними в контакт, а там видно будет. Тем более что особо искать их не придётся – я был почти уверен, что Харальда убили в каком-нибудь селении выше по течению. Не нарочно же его тащили издалека только для того, чтобы утопить тело.

Планов же по налаживанию жизни хватало с лихвой. Номером один шла глиняная посуда. Номером два – мебель. Хотя бы примитивнейшая кровать или гамак, без стола я уже как-то привык обходиться, а спать на жёстком дереве надоело – вся спина уже в синяках, наверное. Роскоши хочется. Как и в случае с едой, стоит только притерпеться – и сразу растут запросы, как в каком-нибудь градостроительном симуляторе.

Номер три – арбалет. При моих каменных инструментах и нулевых столярных навыках я, конечно, замахнулся на весьма технологичное устройство, но арбалет мог дать мне немалое преимущество перед потенциальным врагом. Хотя бы тем, что из него проще научиться метко стрелять, да и при осаде он куда лучше лука.

Номер четыре – запасы на будущее, и лучшим вариантом для этого в моём положении было вяленое мясо. О процессе его изготовления я не знал практически ничего; единственное, что вспомнилось – это необходимость высушить нарезанные полосками куски. Ну, и солью натереть. Сколько оно может храниться, сколько его надо сушить, в каких условиях – я понятия не имел, и Википедии под рукой не было. Оставалось только набить побольше мяса и экспериментировать.

Номер пять – одежда. Тут, пожалуй, я сдамся сразу. Хотя, наверное, всё равно придётся экспериментировать с кожей и шкурами, иначе я рано или поздно останусь совсем голый. Нынешняя одежда и особенно обувь пока с честью выдерживали непрерывное ношение, но рано или поздно они сдадутся. К этому времени надо иметь хоть что-то в запасе. Ну, и не мешало бы придумать что-то вроде одеяла.

Начал я с печи и древесного угля. Основная тонкость в его получении – вовремя перекрыть доступ кислорода к огню, тогда вместо горения происходит реакция пиролиза, и поленья превращаются не в пепел, а в уголь, который потом можно использовать как топливо. О земных технологиях я не знал ровным счётом ничего, так что просто сложил нарубленные деревяшки шалашиком, облепил его землёй и поджёг. А когда разгорелось – закрыл отдушину и пошёл строить печь.

В этот момент меня посетили сомнения. Шипящий хоть и разлюбил меня, заходя теперь раз в три-четыре дня, но визиты не прекращал и вполне мог развалить печь. По крайней мере, автограф в виде отпечатка лапы на куче глины он оставил. С другой стороны, не попробуешь – не узнаешь.

Печь я решил ставить на скальной части обрыва, подальше от деревьев – если те загорятся, моему дому конец. Правда, шанс этого совсем мал, но рисковать не стоит. Сначала я сделал решётку – большой толстый блин, в котором бамбуковой палкой проделал отверстия, и оставил всё это сохнуть. Затем пришёл черёд корпуса: вылепив из мокрой глины длинную колбаску, я придав ей плоскую форму и выложил аккуратную стенку с проёмом. Сверху – ещё одну колбаску, и опять сохнуть. Потом я попытался уложить на эту основу решётку, но едва я взял её в руки, как вся конструкция развалилась на части.

Примерно то же самое произошло и с кувшинами.

Это вначале мне казалось, что никаких хитростей здесь нет и быть не может – подумаешь, замесить глину с водой и вылепить печь, а затем посуду. В реальности же я потратил два дня в бесплодных попытках добиться нужной пропорции глины и воды, и все созданные образцы неизменно разваливались, а иногда и вовсе расплывались ещё до высушивания. Не помогло даже армирование лозой, так что гончарное ремесло меня разочаровало – возможно, когда-нибудь я сумею всё-таки сделать себе посуду, но будет это нескоро. А мысли то и дело возвращались к Харальду и месту, откуда он приплыл.

Я ведь не Робинзон Крузо, мой остров – обитаемый, да и неясно, остров ли это вообще. У меня есть однозначные подтверждения существования цивилизации не далее как в тридцати-сорока километрах от меня, а это два дня пути максимум. И, как ни крути, рано или

поздно я выйду к ней, и скорее всё-таки рано. Легко жить в одиночестве, сознавая, что идти попросту некуда, и совсем другое – знать, что не так уж далеко живут люди.

Хотя и перспектива получить от этих людей по голове тоже не очень радует.

Однако в конечном итоге, взвесив все «за» и «против», я решил всё-таки попытаться пройти вверх по течению и узнать, куда я вообще попал. Вот смеху будет, если здесь окажется цивилизованное общество и представительство Департамента – я слышал, такие имелись кое-где в других мирах, как раз для помощи попутанцам. Получится, что я зря робинзонил целый месяц с лишним.

Хотя, разумеется, надеяться на такое лёгкое разрешение проблемы не стоило.

XVII

Целых две недели я занимался подготовкой к путешествию. Эксперименты с вялением мяса показали, что если его вешать на солнце и высоко, то примерно за сутки полоска крольчатины высыхает и становится вполне пригодной для хранения и транспортировки, так что мяса я заготовил достаточно (правда, пришлось ещё раз сходить за солью к морю). С древесным углём всё вышло не так гладко: первая партия почти вся попросту сгорела, так что я долго ругался, выковыривая годные куски из кучи пепла. Вообще говоря, я не предполагал разводить костёр, но кто знает, что меня может ждать в походе? Лучше уж предусмотреть всё, тем более что несколько кусков угля почти ничего не весили и занимали мало места.

Всё остальное время было уделено тренировкам, в основном стрельбе. Метать дротики я уже наловчился – во всяком случае, шагов с десяти уверенно попадал в зайца, а с луком было хуже: если на то же расстояние стрелять оказалось не так уж сложно, то дальше стрелы летели в цель только случайно. К концу срока я увеличил «заячий стандарт» до тринадцати шагов, но и эта дистанция была слишком мала для использования лука против человека. Вполне возможно, что причина лежала не столько в моих стрелковых навыках, сколько в ремесленной косорукости, потому что самодельные стрелы выглядели, мягко говоря, не лучшим образом, и летали тоже. Так что удивляться было нечему – впрочем, в любом случае с луком у меня получилось лучше, чем с пращей.

В путь я отправился налегке, с топором за поясом и рюкзаком за спиной. Кроме того, я взял с собой оба ножа – «харьковский» и швейцарский, запас вяленого мяса на три дня и бамбуковое копьё, которое использовал как посох при ходьбе. Очень не хватало хотя бы самой простой фляги или бутылки, но идти я собирался вдоль реки, так что о воде можно было не беспокоиться. Жаль, что у погибшей попаданки не нашлось хотя бы бутылочки минералки.

Основной план состоял в том, чтобы идти вверх по течению до появления признаков цивилизации. Памятуя участь Харальда, вести себя следовало крайне осторожно. Моя цель – разведка, а не самоубийство.

Шёл я спокойно, не торопясь и постоянно осматриваясь в поисках чего-нибудь интересного. Интересного, впрочем, в пределах видимости не наблюдалось: справа опушка леса, слева – холмы и опять-таки лес. И горы. Не Эверест, но на вид достаточно внушительные. По всему выходило, что река с них и течёт.

Мало-помалу я вышел к холмам и добрался до кремнёвой россыпи. Выглядело это место очень странно, если задуматься: лысый холм, а на вершине – разбросанные как попало камни, причём посторонних почти не было, одни кремнёвые желваки. Я, конечно, не геолог, но сильно сомневался, что это естественное образование. Нашлись на холме и какие-то бурые пятна, очень напоминавшие старую кровь, а также следы пепла – это я решил поиграть в Шерлока Холмса и осмотреть всё повнимательней, а не как раньше. Увиденное встревожило меня: теперь я окончательно убедился, что камни на холме оказались неспроста и, вполне возможно, холм этот был чем-то вроде капища. Правда, следы моего грабежа ничуть не изменились, то есть никто не посещал это место по меньшей мере полтора месяца, но кто знает, когда это произойдёт?

От капища до моего дома – около семи километров. Если вдруг сюда заявятся аборигены и увидят, что я натворил, им не составит труда найти в окрестностях мой скромный домик. И, понятное дело, вряд ли они пройдут мимо.

Сделать с этим я ничего не мог, так что просто пошёл дальше, обдумывая способы укрепить жилище. На деревянный частокол у меня уйдёт никак не меньше полугода. Можно вбить бамбуковые колья, но нормального врага это разве что немного замедлит. Как ни крути, один

человек в домике на дереве не сможет обороняться от десятка, даже если это будут дикари с дубинами.

Мысли вновь вернулись к арбалету. В отличие от лука, небольшой мощный самострел мог бы стать неплохим подспорьем в бою. И, в принципе, сделать его тоже вполне реально...

Но тут случилось событие, заставившее меня напрочь забыть обо всём: совсем недалеко по правую руку я заметил столб дыма.

XVIII

На вскидку до него было с километр, не больше. Сам дым – именно от костра, тонкий и полупрозрачный. Явно не сигнальный, и явно не лес горит. А раз костёр, значит, там должны быть люди. Ну, или кто-то разумный, пользующийся огнём.

О перспективах угодить к каким-нибудь оркам или кому похуже я почему-то не думал.

Но и осторожности не потерял: подбирался к лагерю неизвестных очень аккуратно, поминутно останавливаясь и внимательно изучая пространство на предмет чего-то необычного. Глаз человека гораздо лучше различает движущиеся объекты, так что лучше лишний раз не дёргаться. Однако все эти ниндзевские игры оказались напрасными. И, надо сказать, я вовсе не был уверен, что вообще стоило сюда идти.

Лагерь располагался на поляне в центре небольшой рощицы, где аборигены весьма искусно скрыли в листве немаленький шатёр – заметил я его, только подойдя почти вплотную. Собственно, дыма тоже не было бы, просто в костёр угодила ветка со свежими листьями, они-то и выдали местоположение стоянки.

Здесь был бой. Атакующим выступал собрат Шипящего, только с более пёстрым оперением – он валялся у костра, безжизненно раскинув лапы. Защищали лагерь четверо братьев Харальда с копьями и в пластинчатых доспехах, которые, впрочем, не устояли перед яростью монстра – одного он попросту разорвал пополам, другой лежал у деревьев, пробитый когтями насквозь. Ещё один, изломанный, будто кукла в руках капризного ребёнка, висел на ветвях прямо над костром.

А четвёртый сидел, прислонившись к стволу и прижимая руку к окровавленному животу. Выглядел он так, будто сошёл с обложки альбома какой-нибудь блэк-метал группы на сатанистскую тематику, потому что первым в глаза бросался череп на голове, увенчанный закрученными бараньими рогами и украшенный каким-то причудливым узором. Вторым – такой же пластинчатый доспех наподобие русского или византийского, покрытый тем же узором, что и череп. Несомненно, это был глава экспедиции.

– Нотрикс... – выдохнул он, увидев меня. – Арамо...

Я развёл руками и хотел было осмотреть рану, но мужик недовольно махнул рукой и тут дёрнулся от боли.

– Эраст, – сказал он, и к моим ногам упал топорик наподобие томагавка. Металлический, машинально отметил я.

Между тем «сатанист» склонил голову и обнажил шею, явно предлагая мне рубануть по ней томагавком.

– Э, ты чего! – растерялся я.

– Эраст! – рявкнул мужчина, и даже в таком положении я увидел, как он закусил губу от боли. Ну да, раны в живот – та ещё дрянь: умираешь медленно, а мучаешься долго. Вот только не смогу я его добить топориком! Я ж не палач!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.